

Свеча от Гроба Господня

(часть 1)

Прекрасен город Флоренция. Знаменит он своими дворцами и храмами. Беспокойная река Арно течёт через город, грозя вдруг выйти из берегов, снести узорные мосты, затопить окрестные дома.

Немало искусных мастеров прославили свой любимый город. Художники и ювелиры, ткачи и прядильщики, оружейники — да всех и не перечесать.

Жил во Флоренции некто Джакопо дель Уберти, человек мудрый и преуспевший в своём ремесле. Недаром говорили, что он лучший ткач в городе. Его покрывала из тонкого льна больше напоминали чудесные картины, так удивительно были на них изображены цветы и невиданные птицы, причудливые скалы и крылатые звери.

Богатые люди издалека приезжали, чтобы купить его узорные покрывала, и все с великой похвалой отзывались об его искусстве.

Была у Джакопо любимая дочь Франческа. Слава о её красоте разлетелась по всей Италии.

— Вот идёт Франческа, дочь Джакопо, — говорили соседки, когда Франческа с молитвенником в руках шла к обедне. — До чего мила, а уж какая скромница! Ресницы у неё такие длинные и золотистые, что на них садятся бабочки, приняв их за диковинные цветы.

Но всего прекрасней были глаза Франчески, кроткие и лучистые. Обладали они удивительным свойством. Если что-то огорчало Франческу и глаза её наполнялись слезами, то они начинали сиять и блестеть, словно зеркала, и каждый мог увидеть в них своё отражение.

Много знатных юношей часами простаивали под окнами дома Джакопо в надежде хоть на миг увидеть Франческу. Даже сыновья надменных дождей из далёкой Венеции засылали к Джакопо сватов.

Но Франческа выбрала себе в мужья флорентийца Раньеро ди Раньери — оружейных дел мастера.

—Моя милая дочь, — сказал Франческе отец. — Я знаю Раньеро ди Раньери, да, по правде, кто его не знает! Справедливости ради надо признать, что Раньеро безудержно смел и отважен, щедр и бескорыстен. Но его смелость легко переходит в драчливость, щедрость — в расточительность. Он хвастлив и криклив, жесток с животными, бывает груб и несдержан на язык. Нет, никогда я не дам согласия на этот брак, потому что он принесёт тебе лишь горе и разочарование!

—Отец, — ответила Франческа кротко, но твёрдо, как только она одна умела. — Я полюбила Раньеро таким, какой он есть. Он так дорог мне, что если ты не согласишься — я удалюсь в монастырь, потому что я никогда не полюблю никого другого.

Слезы набежали на глаза Франчески, и Джакопо увидел в них своё отражение; упрямое суровое лицо и мрачный взгляд.

«Моя девочка, милая, добрая, нежная девочка, — подумал Джакопо. — Не могу же я лишиться тебя земного счастья. Кто знает, может быть, рядом с тобой Раньеро изменится, оставит своё буйство и сердце его смягчится...»

И он дал согласие на их брак.

Все вельможи Флоренции собрались в храм на свадьбу Франчески и Раньеро. И все сошлись на том, что никогда ещё не видели невесты красивей и благородней.

А Франческа так и сияла от счастья. Ей казалось, что она видит перед собой свою любовь.

«Моя любовь подобна сверкающей золотистой ткани, — думала Франческа. — Она так велика, что я могу укутать ею весь Божий мир!»

Франческа вошла в дом Раньеро, и на первых порах ничего не омрачало их жизни.

Но прошло совсем немного времени, и Раньеро показал свой необузданный нрав.

Однажды ему захотелось поупражняться в стрельбе. У Франчески была любимая перепёлка. Клетка с перепёлкой висела у входа в сад над воротами.

Раньеро отворил клетку и выпустил перепёлку на волю. А когда птица взлетела в воздух, он одним метким выстрелом убил её на лету.

Франческа не могла понять, как Раньеро мог так огорчить её, ведь он знал, что это её любимая птица.

Но дальше пошло ещё хуже. Что ни день, то новая выходка — вздорная и жестокая.

Кто-то из завистников Джакопо дель Уберти нашептал Раньеро, что в мастерской старого мастера примешивают в лён пеньку. Раньеро стал болтать и трезвонить об этом на всех перекрёстках. Джакопо всегда славился своей честностью, и ему было оскорбительно доказывать, что это ложь, и сознавать, что его доброе имя запятнано.

А буйным проделкам Раньеро не было конца.

Франческа печалилась и гневалась. Ей казалось, что прекрасная золотистая ткань её любви тускнеет и тает. Раньеро сам отрезает от неё кусок за куском. Прекрасные глаза Франчески наполнялись слезами, и тогда Раньеро видел в них своё отражение. Он видел своё зверское лицо, и это бесило его ещё больше.

— Нечего сказать, хорошую жену я себе выбрал, — в ярости говорил он. — Что бы я ни сделал, ты за всё осуждаешь меня! Доброго слова от тебя не дождёшься.

В мастерской Раньеро работал подмастерье по имени Таддео. Он был тщедушным и слабым, к тому же бедняга сильно хромал. Увидев Франческу, он с первого взгляда полюбил её беззаветно и безнадежно. Раньеро заметил это и стал изводить его намёками и насмешками. Однажды Таддео не выдержал и, сжав кулаки, бросился на Раньеро. Но куда там! Раньеро только захохотал и одним ударом кулака отшвырнул к порогу хилого Таддео. На беду, всё это случилось в присутствии Франчески, хотя она отвернулась и сделала вид, что ничего не заметила. Но самолюбивый юноша не смог перенести такого унижения. Он начал чахнуть от тоски и вскоре умер.

Нельзя передать, как горевал старый отец Таддео над телом мёртвого сына.

Франческа рыдала и не могла утешиться. В её глазах Раньеро увидел своё лицо, перекошенное от ярости.

—Я вижу, ты меня считаешь хуже дикого зверя, — в бешенстве завопил Раньеро. — Я же не хотел смерти мальчишки!

А Франческа почувствовала, что от прозрачной золотой ткани её любви остался всего лишь маленький кусочек, не больше ладони.

«Я боюсь, что наступит день, когда я так же сильно возненавижу своего мужа, как ещё и теперь его люблю...» — сказала себе Франческа. И, даже не взглянув на Раньеро, она ушла из его дома и вернулась к своему отцу.

Раньеро сделал вид, что это его не очень опечалило.

—Я не стану требовать назад женщину, если она не хочет быть моей, — сказал он своим друзьям с деланной беспечностью.

А про себя подумал: «Франческа так любит меня. Вот наступит вечер, не успеют высыпать звёзды, как она вернётся».

Но Франческа не вернулась ни в тот день, ни на следующий.

Тогда Раньеро решил прославить себя подвигами, чтоб гремящая слава и молва о них заставили Франческу вновь переступить порог его дома.

И правда, вскоре вся Флоренция заговорила о великой отваге и ловкости Раньеро. Он изловил двух разбойников, которые прятались в пещерах и грабили купцов, когда те везли свои товары во Флоренцию.

Потом Раньеро по следам отыскал огромного медведя, наводившего ужас на всю округу. Медведь резал скот, нападал на одиноких путников. «Медведь-дьявол» — прозвали его поселяне, потому что он был чёрный, как ночь, а глаза его горели багровым огнём.

Раньеро один справился с ним, затем взвалил его тушу на плечи и бросил её посреди городской площади.

Вечером того дня Раньеро не отправился, как обычно, бражничать с друзьями, а один остался у себя в доме, отпустив всех слуг. Он распахнул все двери и с нетерпением ждал: вот-вот послышатся лёгкие шаги Франчески по каменным плитам двора и раздастся её ласковый тёплый голос, окликающий его по имени.

Но Франческа не пришла, а на следующий день, встретившись с ним в соборе, только молча опустила глаза.

Раньеро невмоготу стало жить во Флоренции. Ему казалось, что каждый встречный глядит на него с тайной насмешкой и в глубине души издевается над ним, зная, что его жена ушла из дома.

Раньеро нанялся в солдаты, но скоро был выбран военачальником и заслужил немалую славу своими подвигами. Сам император посвятил его в рыцари, что считалось великой честью.

Уезжая из Флоренции, Раньеро дал обет перед статуей святой Мадонны в соборе присылать в дар Пресвятой Деве всё самое дорогое и прекрасное, что он завоюет в бою. И правда, у подножия этой статуи постоянно можно было видеть редчайшие драгоценности, всевозможную золотую и серебряную утварь, добытые Раньеро.

И всё-таки он не получил ни одной весточки от Франчески. Он знал, что она по-прежнему живёт в доме своего отца.

Тоска гнала его всё дальше и дальше от родного дома.

И вот наконец Раньеро решил вместе с другими рыцарями отправиться в крестовый поход в Иерусалим для освобождения Гроба Господня.

Это был долгий, изнурительный путь. В раскалённых от солнца доспехах, изнемогая от жары и жажды, крестоносцы пересекли мёртвые пустыни, отражая набеги сарацин.

Нелегко далась крестоносцам долгожданная победа. Раньеро первым, рядом с герцогом Готфридом, поднялся на укреплённые стены Иерусалима. Кровь сбегала по его доспехам, он врубался в ряды сарацин, разя направо и налево, словно прокладывая просеку в густом лесу.

Когда город был взят, начались резня и грабёж. Крестоносцы нанизывали головы сарацин на пики, не щадили никого из защитников города.

Наконец крестоносцы упились насилием и вдоволь насытились грабежом. Тогда, надев монашеские власяницы, босиком, держа в руках незажжённые свечи, они направились в святой храм Гроба Господня.

—Пусть самый отважный первым зажжёт свою свечу от священного пламени, горящего перед Гробом Спасителя! — провозгласил герцог Готфрид. — Сейчас я назову имя этого доблестного рыцаря. Слушайте все! Это Раньеро ди Раньери!

Не было предела тщеславной радости Раньеро. Много прославленных рыцарей окружало герцога, но он один из всех удостоился столь высокой награды.

Вечером в его шатре началась попойка и буйное веселье. Шатёр был весь завален награбленными сокровищами, так что шагу не ступить. Грудами лежали бесценное оружие, украшения, драгоценные ткани.

Но Раньеро сидел, опершись локтем о стол, и не отводил глаз от горящей свечи. Только на неё он смотрел, она словно заморозила его.

Слуги суетились вокруг Раньеро, и он осушал кубок за кубком. Он даже не взглянул на гибких, как змейки, сирийских танцовщиц в прозрачных одеждах, он не слушал певцов и менестрелей.

В разгар веселья в шатёр Раньеро заглянул шут в крикливо-пёстрой одежде. Худой и проворный, казалось, он может пролезть в щёлку. Один глаз у него всегда был насмешливо прищурен, а улыбался он обычно с ехидной насмешкой. Все знали, как он остёр на язык. Он мог подшутить даже над самим герцогом Готфридом.

—Досточтимые рыцари! — Шут поклонился до земли, раскинув в стороны руки. — Дозвольте ничтожному шуту позабавить вас нехитрой выдумкой, а то и правдивым рассказом.

—Изволь, — снисходительно разрешил Раньеро. — Если только твой рассказ будет не слишком длинным и мы не уснём со скуки.

—Это уж я вам обещаю, — усмехнулся шут и, звякнув бубенцами, пристроился на перевёрнутом бочонке, поближе к выходу из шатра. — Так вот что я хочу вам поведать. Как думаете вы, увенчанные победой рыцари, чем был занят сегодня апостол Пётр? Да, да, апостол Пётр, там у себя наверху возле ворот, ведущих в рай? Да будет вам известно, он сокрушался и негодовал, и даже не думал открыть ключом заветные врата рая. Ангелы в

тревоге слетелись к нему, чтобы узнать, отчего апостол Пётр так печален и почему нахмурены его брови. «Я много лет сетовал, что святой город Иерусалим находится под властью неверных, — отвечивал апостол Пётр. — Но теперь я думаю, лучше бы всё оставалось, как прежде».

Рыцари отставили недопитые кубки и все как один повернулись к шуту, который сидел на бочке и крутил на пальце свой колпак с бубенцами.

Рыцари поняли, что шут говорит всё это неспроста, но пока не могли догадаться, куда он, собственно, клонит.

Шут, словно не замечая всеобщего внимания, беззаботно продолжал:

—Апостол Пётр махнул рукой, и облака над Иерусалимом развеялись, как дым. «Я вижу горы трупов, улицы, залитые кровью, нагих несчастных пленников. — Слезы потекли по щекам апостола Петра. — Нет, не говорите мне, крестоносцы как были разбойниками и убийцами, так ими и остались...»

—Неужели, шут, апостол Пётр так гневается на нас? — с усмешкой спросил один из пирующих.

—Ах, не перебивайте меня! — жалобно попросил шут. — Бедному шуту так легко забыть, что он хотел сказать. Впрочем, благородные рыцари, у вас нашлись и защитники.

—Как будто мы нуждаемся в оправдании и защите! — презрительно бросил Раньеро.

—Ну что вы, что вы, благородные рыцари! Конечно нет! — Шут сделал испуганное лицо. — Но слушайте дальше. Один из ангелов решил хоть немного утешить убитого горем апостола. «Смотри, — указал ангел куда-то вниз. — Вон, видишь тот шатёр? Присмотрись получше. Возле одного из рыцарей стоит горящая свеча. Он зажжёт эту свечу у святого Гроба Господня и теперь не сводит с неё глаз. Только взгляни, как он счастлив и горд».

—Ну, ну, шут, — предостерегающе сказал Раньеро. — Не тебе говорить об этом.

—Так это вовсе не я. Это сказал ангел. — Шут с невинным видом посмотрел на Раньеро. — Но слушайте дальше, благородные победители Иерусалима! Вы думаете, апостол Пётр возрадовался, глядя на горящую

свечу? Нет, он стал сокрушаться ещё больше. И вот что он возразил ангелу: «Ты думаешь, этот рыцарь счастлив оттого, что Гроб Господень освобождён от неверных? О, если бы так! Нет, он тщеславно радуется своей славе, ведь он признан самым храбрым после герцога Готфрида! Вот отчего он так радостен и горд».

Все гости Раньеро дружно расхохотались. Раньеро, хотя в нём клокотал гнев, тоже рассмеялся.

Шут скатился с бочки и остановился возле выхода из шатра.

—Но апостол Пётр никак не мог утешиться, и потому ангел снова заговорил. «Пётр, Пётр, — сказал ангел, — посмотри, как рыцарь Раньеро оберегает пламя своей свечи. Он заслоняет свечу от ветерка и отгоняет ночных бабочек, чтоб пламя не погасло. Попомни моё слово, привратник Божий! Когда-нибудь ты откроешь двери рая рыцарю Раньеро ди Раньери! Ты увидишь, он будет приходить на помощь вдовам и несчастным, ухаживать за больными и утешать сокрушённых сердцем так же ревностно, как он охраняет сейчас святое пламя!»

Тут уж все рыцари просто покатались от хохота. Ведь все они отлично знали Раньеро, неистового и беспощадного.

Этого Раньеро уже не мог стерпеть. С бешеным рычанием он вскочил с места и бросился на шута. При этом он нечаянно толкнул стол и свеча упала. В мгновение ока Раньеро подхватил свечу и не дал ей погаснуть. Но пока он снова укреплял её в подсвечнике, шут, кривляясь, хихикая и присвистывая, выскользнул из шатра. Мгновение, и он скрылся в бархатном мраке южной ночи.

Между тем гости не могли вдоволь насмеяться.

—Ох, Раньеро, утешитель скорбящих, — сказал один из рыцарей, задыхаясь от смеха и вытирая невольные слезы. — Ты уж прости, но на этот раз тебе никак не удастся послать Мадонне во Флоренцию самое дорогое, что ты добыл в бою.

—Это почему? — резко спросил Раньеро.

—А потому, — ответил рыцарь, отхлебнув вино из кубка, — что самое драгоценное из твоей добычи — пламя этой свечи. Может, ещё скажешь, что ты его пошлешь во Флоренцию, а, Раньеро? Ну что ты молчишь, словно онемел?

Снова расхохотались рыцари, а один из них прямо-таки свалился со скамьи на груды ковров.

Раньеро побагровел, потом побледнел, но всё-таки сдержался.

Он позвал к себе старого оруженосца, убелённого сединами, верного и преданного.

—Собирайся в долгий путь, мой друг Джованни! — сказал Раньеро. — Завтра ты отправишься во Флоренцию с этим священным пламенем.

—Ты, верно, шутишь, господин, — возразил старый оруженосец. — Как это возможно? Свеча погаснет раньше, чем я покину лагерь. Тут рыцари принялись поддразнивать и подначивать Раньеро.

—Вот ты и нарушил обет, данный Святой Деве!

—Не всё бывает, как ты хочешь, Раньеро!

—Ты смахиваешь на малого дитя и думаешь, что тебе всё дозволено!

Тогда Раньеро потерял всякое терпение и громко воскликнул:

—Клянусь, я сам отвезу это пламя во Флоренцию!

—Господин, — виновато сказал старый оруженосец. — Ты — другое дело. Ты можешь взять с собой большую свиту. А меня ты хотел послать одного.

—Я тоже поеду один! — воскликнул Раньеро. И, оглядев примолкнувших изумлённых рыцарей, с насмешкой спросил: — Что? Отпала охота смеяться? Вы смотрите на меня, как на привидение. А ведь отвезти горящую свечу во Флоренцию — это просто игра для храброго человека.